

Вяч. Шишков

БИТВА
ПОД
КУНЕРСДОРФОМ

ОГНЗ

ГОСПОЛТИЗДАТ • 1948

Редактор П. Кушнер
Подписано к печати 9 декабря 1943 г. А4516.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 3151.

Объем 1/2 печ. л.
Цена 20 коп.

Типогр. газеты «Правды» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

В 1756 году в Европе началась война, которая длилась без малого семь лет. Затеял её прусский король Фридрих Второй. Он действовал всегда нахрапом, как наторелый вор по пословице: «где что плохо лежит, у него и брюхо болит». Он без зазрения совести говаривал:

— Ежели вам нравится чужая земля и вы имеете силы взять её, так занимайте её немедленно. Была чужая — будет наша.

И этот король-насильник, недолго думая, взял, да и напал на земли Австрии. Австрия же состояла в то время в союзе с Россией. Тут уж пришлось России вступить за Австрию, за союзницу свою. Кроме того, в России хорошо понимали, что если Фридрих побьёт Австрию, то потом, усилившись, нападёт и на русскую землю. Такую же опасность чувствовала и Франция. Поэтому против Фридриха выступили три государства: Австрия, Россия и Франция.

Русское войско под водительством главнокомандующего графа Апраксина весной 1757 года вступило в Пруссию. Старик Апраксин в военном деле понимал мало, зато у него были прекрасные молодые генералы — Румянцев, Чернышёв, Панин. А главная сила его была в нашей непобедимой русской армии.

В мелких стычках прошло почти всё лето. И вот 19 августа немецкая армия сошлась с русской армией. Разыгралось большое сражение подле деревни Грос-Егерсдорф, которое закончилось победой русских.

В 1758 году русские войска побили пруссаков под деревней Цорндорф. Здесь битвой руководил сам Фридрих. В конце боя король Фридрих, видя изумительную храбрость и мужество русских, сказал про них:

— Русские солдаты — орлы. С такими молодцами можно разбить любую армию.

Весной следующего, 1759 года в русскую армию прибыл из Петербурга новый главнокомандующий, граф Пётр Семёныч Салтыков. По виду это был старичок маленький, простенький, седенький. Жил он без всякой пышности, попросту и без затей. К солдатам относился по-отечески, солдагы очень любили его.

В начале июля русская армия пошла на соединение с силами своих союзников — австрийцев. Фридрих, узнав про это, дал приказ своему любимцу генералу Веделю атаковать русских.

12 июля возле деревни Пальциг пруссаки увидели русские отряды и, подойдя ближе, четырежды бросались в жестокую атаку. Но всякий раз русские давали немцам по зубам. Немцы с большим уроном откатывались прочь. Пред закатом солнца враг бежал, оставив 14 пушек да около 6 000 убитыми, ранеными и взятыми в плен.

Солдаты у костров говорили:

— А ведь дедушка-то наш, граф Салтыков-то, смыслит, как немца колотить.

Победив пруссаков при Пальциге, русские пошли к городу Франкфурту и взяли его.

Узнав про это, король впал в бешенство. Он поспешно собрал свои разрозненные силы и пошёл навстречу русским.

Между тем русская армия стала лагерем в четырёх верстах от Франкфурга, у деревни Кунерсдорф. Здесь 1 августа произошло самое крупное, самое кровопролитное сражение за всю Семилетнюю войну.

Русская армия заняла холмистую местность вдоль течения реки Одера. Правым крылом она упиралась в реку. Левым крылом примыкала к крутому буераку, за которым чернел густейший лес. Перед фронтом было топкое болото, — неприятель завязнет в нём, — а тыл армии ограждала река.

Фридрих спешил. Он не давал своей армии ни сна, ни отдыха. Разведав план русского расположения, он пустился на военную хитрость. Он решился идти не прямой дорогой, а сделать большую петлю, чтоб незаметно обойти русскую армию и напасть с тыла. Он так и сделал. Поднял свои войска в 2 часа ночи и пошёл. Но Салтыков, поняв его хитрость, ни мало не смутился. Он перестроил армию соответственно с движением Фридриха и, положась на крепость своих позиций, стал спокойно выжидать врага.

По всему русскому фронту, версты на три, горели большие костры. В небе стоял белесый месяц, мигали звёзды. Деревня Кунерсдорф была пустынна, все жители скрылись в леса. Солдаты у костров ели кашу, чистили ружья, чинили одежду и обувь.

—Офицеры ходят от костра к костру, ведут с солдатами беседу, шутят.

— Ну, как, воюем завтра, братцы? — спрашивает группу солдат полковник мушкетёрского полка Бибииков.

— Воюем, ваше высокоблагородие, — в один голос ответили солдаты.

— Смотрите, жарко будет. Сам Фридрих здесь.

— А нам это нипочём, ваше высокоблагородие, — заговорили солдаты. — Фридрих ли, али-бо кто другой, всё едичо бить будем.

И ежели опросить так всех солдат, у всех полная вера в себя, у всех один ответ: «Бить будем».

Как уже было сказано, Фридрих поднял свои войска в два часа ночи и повёл их длинной дорогой. Измученные большим переходом, они появились на виду у русских только около полудня.

Фридрих был человек сухошавый, с прямым длинным носом, острым подбородком, огромными глазами. Он объезжал полки и батареи, сильным голосом кричал:

— Солдаты! В бою назад ни шагу! Умри, но победи! Ваш король всегда среди вас. Вперёд!

Не давая русскому командованию опомниться, он решил напасть сразу с трёх сторон, чтоб отрезать русской армии путь к отступлению. Прижать к реке и истребить.

Но, осмотрев с горы русские позиции, он увидел, что взять их голыми руками не так-то просто. И он решил напасть лишь на левый фланг русских войск. На левом фланге стоял князь Голицын с новым корпусом из молодых, ещё не обстрелянных солдат. Место было узкое. За теснотой здесь стояло лишь два полка.

Вдруг загрублили трубы, забили барабаны. Шеренги пруссаков, выйдя из лесу, устремились в лог, чтобы выбраться через глубокий овраг в лоб русским.

— Батареи! Прямой наводкой. Огонь картечью!

Русские батареи метко разили приближавшегося врага. Преодолев кручу, прусские гренадеры по телам своих убитых яростно бросились на два наших полка. Оба полка после короткой схватки были смяты пруссаками. Князь Голицын взамен погибших двинул четыре полка мушкетёрских. Он хотел короткими людскими перемычками задержать напор противника.

Солнце ярко горело в небе. Изнурительный зной охватил всю землю. Двести неприятельских пушек стреляли не переставая. Русские мушкетёрские полки дрались с большим

мужеством. Однако неприятель щедро получал подкрепления и начал одолевать храбрых мушкетёров. Часть наших батарей оказалась в руках пруссаков. Положение стало трудным.

Главкомандующий Салтыков приказал бросить в бой ещё два гренадерских полка.

Между тем Фридрих перестроил свои войска в плотную колонну. Он задумал ещё сильнее нажать на наш левый фланг и теснить и загонять русскую армию к правому флангу, чтоб там расплющить её.

Густая колонна пруссаков неустойчиво двигалась на русские позиции. Голыцын растерялся. Смутился и Салтыков, увидев, что наши стали кое-где отступать.

Торжествующий Фридрих обратился к свите:

— Гонцов! В Берлин, в Шлезию, к брату моему Генриху... Полная победа! По дороге пусть гонцы трубят в трубы — к закату солнца русская армия будет уничтожена.

Гонцы ускакали в Берлин и Силезию с вестью о победе.

Чрез некоторое время кровавая битва сама собой помаленьку стала затихать. Измученные пруссаки захотели передышки. Генералы из свиты советовали распалённому Фридриху остановить бой, так как победа над русскими очевидна.

— Господа генералы! — воскликнул Фридрих. — Русскую армию надо не только победить, но истребить до конца. Иначе она снова возродится. Ну, так вперёд! — скомандовал он и крепко пришпорил лошадь. За королём двинулся отряд гусаров-телохранителей.

— Солдаты! — кричал он, проносясь по рядам пруссаков. — Вперёд, солдаты! Ваш король с вами!

Пруссаки устали. Они изнемогали от жары. Но, подгоняемые капралами, послушно бросались вперёд.

Граф Салтыков стоял со свитой на высоком пригорке.

Прищуриив глаза и прикрываясь от солнца ладонью, он зорко наблюдал за ходом сражения.

— Выдыхаются, выдыхаются,— бормотал он себе под нос. И вдруг закричал: — Немцы выдыхаются... А где австрийцы? Ввести их в действие! А то они застоялись.

С приказом поскакал адъютант. К Салтыкову с разных мест боя подъезжали ординарцы, курьеры, адъютанты.

— Ваше сиятельство! — задышливо рапортовали они.— Бой принял наивысшие размеры. Для нас наступает опасность.

Салтыков сурово взглянул на них. Он был небольшого роста, и конь у него был маленький. Сам вместе со штабом поскакал он на крутой взлобок, ещё раз окинул взглядом клубившуюся дымом долину боя.

— Беречь надо эту высоту и вот эту. Чтоб доконать нас, немец неминуемо полезет на них. Скажите Чернышёву да Румянцеву, чтоб держались крепко. Да чтоб дали нашим молодцам по чарке водки.

Четыре иностранных волонтёра (добровольца), бывшие при штабе, наперебой говорили Салтыкову по-французски:

— Мы с утра были в самом пекле. Ваши солдаты, граф, достойны удивления. Они — как железные.

Шесть часов вечера. Солнце склонялось, жара сдавала, но бой стал разгораться с новым упорством. Румянцев отбросил немцев от батареи, на которую те лезли изо всех сил. Фридрих вскоре опять повёл войска брать эту батарею. Он скакал по шеренгам своих солдат, воинственно кричал:

— Вперёд, герои мои, вперёд!

Но пруссаки порядочно-таки стали выдыхаться, гренадеры были озлоблены, брюзжали. Фридрих заметил их медлительность, отдал приказ:

— Господа ротные командиры! Понудьте капралов усердней погонять людей.

Здоровые, толстобрюхие капралы направо-налево лупили отстающих солдат увесистыми палками, орали:

— Вперёд, усатые черти! Вперёд!

Удар палки обрушился на голову замедлившего шаг наёмного солдата-ирландца.

— Вперёд, усатые черти, вперёд! Пулю в спину! — и свирепые капралы, орудуя палками, гонят измученных солдат, как быков на бойню.

Ядра русских орудий, град русских пуль косили неприятеля. Немцы по склонам холмов лезли на приступ высот, как сумасшедшие; дрались упорно и ожесточённо.

Русские здоровенные парни, попеременно с седыми солдатами, кидались на врага дружно, без страха, напористо:

— Вали, вали, братцы! Коли их, окаянных!

Взмахивают штыки и приклады, сверкают сабли офицеров. Стоны, визг, победные выкрики. Люди падают, падают! На смену им — новые.

— Напирай, ребята, напирай! Ломай собакам хребты!

И вот пришла пора-времечко. Шаг за шагом пруссаки стали сдавать. Под натиском русских штыков стали они сползать, катиться с горы.

Раздражённый Фридрих, глядя на битву, пучит глаза и бросает на подкрепленье разбитых рядов новые полчища. И снова летит по немецким полкам ругань капралов:

— Вперёд, вперёд, усатые черти! Вперёд!

А вот и подполковник Александр Васильевич Суворов, будущий великий полководец, а теперь ещё молодой офицер. Небольшого роста, сухонький, вихрастый. С длинной шпагой в руке он бежит впереди своих молодцов, с лёгкостью перескакивает через трупы, через канавы и рвы. Достигнув места схватки, он весело кричит солдатам:

— Стрелять недосуг, в штыки, в штыки! — А когда солдаты геройски поработали штыками, Суворов командует: «Умерли!»

Его молодцы уже знают, что означает «умерли»; Суворов обучил их заранее. И как только крикнул он: — Умерли! — суворовцы один по одному повалились на землю. А когда напиравший враг, считая их мёртвыми, пробежал над ними вперёд, Суворов звонко скомандовал:

— Ожили!!

Тогда все сразу вскочили и с оглушительным криком: «Урр-а-а!» разили пруссаков в спины штыками и пулями.

Тем временем немецкая конница, полк за полком, помчалась на штурм наших высот. Но меткий огонь русских пушек погнал её прочь. Начальник конницы генерал Зейдлиц был ранен. Его сменил принц Вюртембергский. Во второй атаке был ранен картечью и принц. На выручку потрёпанной вражеской конницы ринулись королевской гвардии гусары. Это был последний оплот короля. Русские пули и ядра быстро смели прусскую конницу. Предводитель гусаров был разорван русской бомбой.

Румянцев и Панин вводили в бой свежие полки, умело обрушивая их на пруссаков.

Граф Салтыков осматривал в подзорную трубу поле битвы. По виду был он как будто спокоен, но всё горело в нём. Он сопел, кряхтел, то и дело облизывал пересохшие губы. Возле слезящихся старческих глаз складывались радостные морщинки.

— Так-так-так... Ай, молодцы... Ай, молодцы... — сам себе покрикивал граф Салтыков. Он ясно видел, что пруссики слабеют, что многие полки их пришли в замешательство.

Опечаленный Фридрих, проносясь по расстроенному фронту, наблюдал нерадостную для него картину. Он видел, что его гренадеры, утраченные храбростью русских, трусливо поглядывают на ближайший лесок, готовясь задать лата-

ты. Фридрих распекал генералов, кричал на полковников, отчаянно вопил солдатам:

— Вперёд, храбрецы! Я с вами!

Но пруссаки уже утратили воинственный дух. Своему королю они больше не повиновались.

Мрачный король скакал дальше. Вдруг пуля, цокнув, ударила его в грудь. Фридрих качнулся, осадил коня и тяжело передохнул. Затем вытащил из левого нагрудного кармана золотую табакерку. В ней застряла русская пуля. Фридрих снял шляпу с высоким султаном из страусовых перьев, прекрестился и сказал свите:

— Слава богу. Он не зря спас вашего короля.— Вдруг Фридрих взбросил в правую сторону дрожавшую руку и промолвил:

— Смотрите, смотрите, австрийская конница. А слева — казаки! Чего зеваает мой Зейдлиц?

— Генерал Зейдлиц, ваше величество, ранен

Фридрих прищипорил лошадь и помчался. Его плащ раздувался под ветром, как парус. Тем временем по приказу Салтыкова австрийская и русская великолепная конница, стоявшая до сих пор в стороне от побоища, помчалась и врубилась с правого боку в гущу пруссаков.

А с флангов и с тыла теснили неприятельскую пехоту русские славные полки Сибирский, Апшеронский, Псковский и другие под командой Панина и графа Румянцева.

И вот весь прусский фронт, от края до края, окончательно поколебался и дрогнул. Передние ряды пруссаков повернули назад, показали нам спину. Они сшибали своих и всем гуртом бежали обратно.

— Боже! Всё гибнет...— хватаясь за голову, простонал прусский король. Глаза его при виде бегущих пруссаков наполнились ужасом.

А в этот миг граф Салтыков, подсакивая на стремянах смиренно стоявшей лошади, проговорил волнуясь:

— Враг бежит... Победа, победа!

И во все русские войска перекинулось:

— Победа, победа!

Всюду, от высот до реки, гремит громогласно: «Урра-а-а!»
Всюду раздаётся: «Братцы, победа, победа!»

Враг спасает свою шкуру стремительным бегством в лес, на мосты и вплавь через реку. И преследуя их, с гиканьем, свистом, во весь опор несутся чугуевцы и донские казаки:

— Ги-ги-ги! Ура! Урра-а-а...

Обезумевшие пруссаки хлынули во все стороны. Всё пространство, куда ни кинь взор, как серой метелью, как выюгой, покрыто бегущими.

Король Фридрих на пегой кобыле бессмысленно мечется в самом хвосте своей разгромленной армии. Спасения нет королю: на него устремились казаки, чтоб живьём взять его в плен. Король завопил, заметался: — Притвиц! Притвиц! Я погибаю...

При ротмистре Притвице всего лишь сорок чёрных гусаров — телохранителей Фридриха. Притвиц выхватил саблю. Сорок гусаров, жертвуя собой, бросились навстречу казакам и все поголовно погибли.

А король ускакал.

Был уже вечер. Обозначались звёзды, опять засветлела луна. Где-то слышался бой барабана, где-то кони заржали. Треск, разрозненный залп, приглушённые стоны людей.

Но уже всё было кончено.

Королевские гонцы, посланные Фридрихом возвестить о победе над русскими, поздним вечером прискакали в Берлин. Столица ещё не ложилась спать. И вдруг, один за другим, прогрехотали над городом три пушечных выстрела.

По улицам побежали толпы горожан, разъезжали с факелами глашатаи. На перекрёстках они трубили в трубы, зычно возвещали:

— Великий наш король Фридрих одержал полную победу при деревне Кунерсдорф! Вся русская армия уничтожена! Жалкие её остатки взяты в плен. Тысячи разбойников-казаков с верёвками на шее завтра будут приведены сюда. Готовьте им встречу.

Толпы берлинцев в ответ радостно орали:

— Победа, победа! Да здравствует великий Фридрих!

А в это время Фридрих спасался от преследовавших казаков в деревушке Этшер. Он лежал на скамье в разбитой, без дверей и без окон, хибарке. В головах седло, вместо пуховика — пук соломы. По самый подбородок укрылся король плащом, простреленным в трёх местах русскими пулями.

Лунный свет падал на его лицо. В остановившихся глазах — гнетущая тоска, безумие. С ним два адъютанта и один гренадер на карауле у входа. А за хибаркой — развалины, пустыня, безмолвие.

— Русские, русские... Проклятые русские... — бормочет король и скрежещет зубами. — Яду мне! Неужели у вас не найдётся яду?

Наступает молчание. Вдруг Фридрих вскочил, закричал: — Огня!

При скудном свете огарка он стал писать в Берлин брату Генриху и прусским министрам. В письме говорилось:

— Наши потери ужасны. От армии в 48 000 человек у меня вряд ли осталось 3 000. Все бегут, и у меня нет больше власти над войском. В Берлине хорошо сделают, если подумают о своей безопасности. Жестокое несчастье, я его не переживу. Последствия битвы будут хуже, чем сама битва: у меня больше нет никаких средств, и, скажу без утайки, я считаю всё потерянным. Я не переживу гибели моего отечества. Прощай навсегда.

Глаза Фридриха помутнели, он застонал, схватился за голову. Передёрнул плечами и с горечью выдохнул:

— Русского мало убить, его надо ещё и мёртвого-то по-валить.

А русские на рассвете следующего дня стали на поле битвы копать могилы. Убитых русских было 2 600. Убитых пруссаков — 7 600.

Вскоре Салтыков сделал смотр своей армии. Он был в самом радостном настроении: непобедимая армия короля Фридриха была наголову разгромлена, перебита, переранена, множество пруссаков попало в плен.

Смотр прошёл прекрасно. У солдат та же бравая выправка, железная сила в мускулах, бодрость во взоре. Как будто кровавой битвы вовсе и не было.

Сила русских чудо-богатырей оказалась несокрушимой.

Главнокомандующий граф Салтыков доносил в Петербург:

— Ревность, храбрость и мужество всего генералитета и неустрашимого воинства, особливо послушание одного довольно описать не могу. Одним словом — *похвальный и беспримерный поступок солдатства* привёл в удивление всех чужестранных волонтёров.

Так закончилась блистательной победой русского оружия битва под Кунерсдорфом.

Война продолжалась ещё три года, потому что союзники-австрийцы действовали медлительно и нерешительно. Но прусская армия, разбитая русскими под Кунерсдорфом, потеряла веру в свою непобедимость. Поражения следовали одно за другим. И когда в 1762 году Фридрих принуждён был заключить мир, он должен был отказаться от всех прежних завоеваний.

Германские фашисты распространяют много небывлиц о Фридрихе Втором. Они называют его армию непобедимой.

Это неправда. Русские войска разбили пруссаков в битве под Кунерсдорфом и во многих других сражениях. «Русские прусских всегда бивали», — говорил Суворов. Так же будет и теперь, в нашей Отечественной войне против гитлеровских захватчиков.

Когда в 1941 году Гитлер напал на нас, немецкие газеты писали, что русские будут разбиты через два месяца. Но прошло более двух лет, а доблестная наша Красная Армия бьёт немцев так же жестоко, как били их русские и раньше во всех войнах. И в этой войне, более страшной и жестокой, чем те, которые были прежде, она не даст им пощады: войска, которые Гитлер повёл на русскую землю, будут разгромлены и получат возмездие за все грабежи, насилия и убийства, совершённые ими в нашей стране.